

М.И. Чернышева

ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ 1789–1794 гг.

*Не правила языкъ рождаютъ, но изъ
употребленія онаго извлекаются правила.*

Из предисловия к первому тому
Словаря Академии Российской

О построении Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. (его составе и структуре) до недавнего времени не было написано специального исследования, этим вопросом мы занимались с 2000 г. Предлагаемая статья представляет собой краткий вариант сделанных наблюдений.

Составители Словаря Академии Российской в Предисловии к первому тому в качестве объекта описания определили “славенороссійскій” язык, поскольку, по их убеждению, славянский литературный язык (“славенскій”) — язык “священных и церковных книг”, является основой для языка “россійскаго” (стр. VI и VIII)^{1,2}. Этот общий “славенороссійскій” язык, помимо основы в виде “славенского” языка, “великое множество содержит слов собственно русских, по свойству коих некоторые из славенского языка почерпнутые иное окончание, иное образование, а другие и новый смысл получили” (стр. VI).

Таким образом, хотя и продекларировано, что объектом описания является единый язык, все же очевидно, что авторы сознают существование разницы между двумя языками. В Словаре это найдет выражение в виде специальных помет (специально об этом — см. ниже).

Словник. Отбор слов

В процессе создания САР многократно детально обсуждались принципы отбора слов для словника, поскольку новый Словарь призван

¹ Здесь и далее при цитировании Предисловия первого тома Словаря в круглых скобках указываются только номера страниц римскими цифрами.

² В настоящей статье обширные цитаты приводятся в современной орфографии, однако в выписках из словарных статей орфография САР сохраняется, при этом в круглых скобках римская цифра указывает на соответствующий том издания 1789—1794 гг., вторая (арабская цифра) — на номер столбца. Кроме того, в тексте в квадратных скобках даются пояснения автора данной статьи.

был отразить нормы литературного языка своего времени³.

Наиболее остро стояли вопросы включения/невключения в Словарь собственных имен, специальной лексики, заимствований и диалектизмов.

Относительно первого вопроса в Предисловии так сформулирован итог длительного обсуждения: “Исключить все те слова, кои к составлению языка не способствуют, куда относятся собственные имена людей, земель, городов, морей, рек, озер и проч.” (стр. IX, пункт 1).

Следующим трудным вопросом был вопрос о специальной лексике. Было принято решение использовать для словника Словаря только наиболее употребительные, распространенные и необходимые технические термины, обратив особое внимание на собственно российскую лексику: опустить “слова и речения Наук и Художеств, которые не входят в общее употребление, но единственно ученым и художникам известны”, сделав исключение для “естественных в России произведений [т. е. лексических образований], имеющих особливые [т. е. особенные] названия, которые большей частию суть народные” (стр. IX, пункт 2).

С этим положением непосредственно связан вопрос, весьма актуальный в послепетровскую эпоху (когда близкое знакомство с европейскими достижениями повлекло за собой приток новых слов из ряда языков), о допустимости введения в Словарь иноязычных слов. Последовало длительное обсуждение, в котором приняла участие сама Екатерина II, полагавшая, что следует “избегать всевозможным способом слов чужеземных, а наипаче [особенно] речений [т. е. целых фраз на иностранном языке], заменяя оные или древними, или вновь составляемыми”⁴. Таким образом, наконец были сформулированы положения, касающиеся иностранных слов (стр. IX—X, пункт 6): исключить “все

³ Подробнее: *Рудакова И.Ф.* История “Словаря Академии Российской” (1789—1794) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 2. С. 142—148. Об истории создания САР и обо всех проблемах, возникавших на первом этапе его написания и издания, см.: *Красовский А.* Опыт истории Императорской Российской Академии. Первый период истории императорской Российской Академии, написанный в 1839 году бывшим тогда Действительным Членом ее, Александром Красовским. — СПб., 1849; *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. VIII. — СПб., 1888 (факты, приводимые в книге М.И. Сухомлинова, почерпнуты, главным образом, из Записок Российской Академии); самый последний очерк на эту тему: *Богатова Г.А.* Е.Р. Дашкова и Словарь ее эпохи // Словарь Академии Российской 1789—1794. Т. 1. — М., 2001. С. 11—22.

⁴ Записки Императорской Российской Академии марта 20 дня 1792 года (*Рудакова...* С. 146, сноска 25).

иностранные слова, введенные без нужды”, для которых существуют сходные по смыслу (“равносильные”) “славенские и российские” слова, отставляя только: 1) те греческие и еврейские слова, которые приняты в “священных книгах” и известны как образованным (“просвещенным”), так и простым людям; 2) названия должностей и чинов на иностранных языках (“названия властей, степеней, достоинств, чинов, званий, в новейшие времена введенных, которые яко изреченные законом [поскольку они употреблены в законодательных актах] без всякой перемены внесены в Словарь наш”); 3) “названия произведений [вещей и предметов], как естественных, так и художественных, отъинуда [откуда бы то ни было] привозимых, которым по общему праву всех языков дано место и в нашем Словаре” (в обсуждении фигурировали заимствованные слова, типа: кафтан, шапка, башмаки, сапоги, чулки, колпак, камзол, епанча, шляпа, карман, фуфайка, изба, амбар, сарай, сундук и др.⁵, уже вошедшие в русский литературный язык конца XVIII века)⁶.

Непростым было также положение об “областных” словах. В ходе дискуссии составители Словаря пришли к выводу, что из областных слов следует оставить те, “которые своею ясностью, силою и краткостью могут служить к обогащению языка, или означают тех стран произведения [т. е. предметы], или, наконец, могут послужить к замене слов иностранных” (стр. IX, пункт 5).

Ставя целью зафиксировать современное состояние языка, составители стремились исключить из Словаря архаичные слова и выражения, мотивировав это тем, что они вышли из употребления. Однако, исходя из типа данного Словаря, где материал организован по принципу корневого расположения слов, оставляли или вводили слова, являющиеся, по мнению составителей, первичными в корневом гнезде. В качестве примера в Предисловии приводится слово *Зидь*, заключающее “в себе корень слов *Зижду*, *созидаю*, *здание* и проч., ибо слово *сие* в славенском языке означает стену, *забрало*” (стр. IX, пункт 4).

И, наконец, специально оговаривалось, что из Словаря исключают-

⁵ Рудакова... С. 145. Упомянутые здесь же И.Ф. Рудаковой слова *щи* и *каша*, следуя современным представлениям об их происхождении, должны быть исключены из этого списка — см.: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 9. — М., 1983. С. 158—159: *каша*; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — М., 1987. Т. IV. С. 506: *щи*, вероятно, от **сьтъ*, мн. *сьти*. (далее: *Фасмер*).

⁶ Записки Императорской российской Академии 27 дня февраля 1785 года (Рудакова... С. 145, сноска 25).

ся “все слова и речи, благопристойности противные” (стр. IX, пункт 3).

Таким образом, отбор слов для словника основан, с одной стороны, на доводах, касающихся употребительности и распространенности слова, а с другой стороны, на принципе пуризма, определяемом идеей самодостаточности “славенороссийского языка”. Такой подход продиктован стремлением представить нормы литературного языка и речи своего времени.

Тип словаря. Расположение материала.

Шрифтовая разметка материала

Один из самых сложных вопросов при создании любого словаря — вопрос о расположении материала. Большинство словарей, как правило, ввиду удобства имеют алфавитный порядок следования слов, однако не всегда, и этому есть свои объяснения. При обсуждении структуры САР было сформулировано положение, согласно которому этот Словарь по способу расположения материала должен быть гнездовым, или этимологическим (“чин словопроизводный”), для чего выбиралось “первообразное” слово, и вокруг него выстраивалось словообразовательное гнездо. Преимущества такого расположения материала для изучения истории слова, развития его семантики и производных лексем очевидны. Столь же очевиден недостаток “словопроизводного чина” — поиск нужного слова связан с некоторыми трудностями. Для преодоления неудобств служит “роспись” — алфавитный словник слов с указанием столбца, где находится данное слово: “**ПОКАЗАНИЕ** словамъ содержащимся въ первой части по чину азбучному...”.

Составители Словаря не оговорили в Предисловии, что выбранный способ расположения материала поддерживается специально разработанной шрифтовой разметкой, однако она весьма значима, поскольку имеет свою собственную функциональную нагрузку.

Разберем для примера гнездо **БЮ**. Начинается статья в первом томе на столбце 172 и заканчивается на 212. Первое (“первообразное”) слово набирается в качестве заголовка посреди строки, в данном случае полностью, в других случаях посреди строки заглавными буквами может располагаться сочетание букв следующего по порядку алфавитного отрезка). Затем с новой строки заглавными буквами так же полужирным шрифтом: **БЮ** (с постановкой ударения на последнем слоге).

После описания системы значений (4 значения) и сочетаний⁷, выделяемых курсивом (9 сочетаний, типа: *Бью въ ладоши*), располагается набранный курсивом соответствующий возвратный глагол *Бьюсь*, ся... (11 значений с сочетаниями и поговоркой внутри статьи — I, 174—176). Далее приводятся отглагольные образования (курсивом) *Бієнїе* и *Бійца*. К последнему слову примыкает связанное с ним сложное слово *Млатобіецъ*. Затем располагаются слова, исторически восходящие к основному (**БЮ**). Каждое слово словообразовательного гнезда начинается с новой строки.

Слова, достаточно обособившиеся и способные иметь свое собственное словообразовательное гнездо (назовем эту подгруппу большого гнезда *словообразовательной группой*), набираются разрядкой, даже если словообразовательная группа недостаточно развита: *Билень*, *Било* и *Битва* (к последнему слову примыкает, будучи членом словообразовательной группы, набранное курсивом *Битвенный* 'к битве принадлежащий').

Следующая (оформленная также курсивом) группа слов не связана с *Битва*, а продолжает словообразовательное гнездо от **БЮ**: *Битіе*, *Битка*, *Биткомъ*, *Битый* и далее до самостоятельного слова *Бить* (I, 178), набранного разрядкой, по всей видимости потому, что оно имеет специальное значение ('провода золотая или серебряная сплюснутая').

Начиная со столбца 183, приводятся в алфавитном порядке приставочно-словообразовательные дериваты от глагола **БЮ** — глаголы с соответствующими группами возвратных глагольных форм, отглагольных существительных и своими лексико-фразеологическими сочетаниями. Начиная группу глагол набран разрядкой, а члены его словообразовательной группы выделены курсивом: *Вбиваю* (*Вбиваю въ голову*, *Вбиваніе*), *Взбиваю* (*Взбиваюсь*, *Взбиваніе*), *Выбиваю* — 8 значений (*Выбиваю силою*, *Выбиваюсь*, *Выбиваніе*, *Выбивка*), *Выбойка* (*Выбойчатый*), *Выбойка* (*Выбойна*, *Выбойственный*, *Выбойсто*), *Добиваю* (*Добиваюсь*, *Добиваніе*, *Добивка*), *Забиваю* (*Забиваюсь*, *Забиваніе*, *Забивка*, *Забойка*), *Забіяка* (*Забіячество*, *Забіячливый*, *Забіячливо*, *Забіячливость*, *Забіячный*, *Забіячу*, *Забойникъ*), *Збиваю* — 9 значений и 4

⁷ Условно все виды лексико-семантических сочетаний и фразеологических единиц называем сочетаниями.

сочетания (*Збиваюся, Збиваніе, Збивчивость, Збивчивый, Збивчиво, Збитіе, Збойка, Збой, Збойникъ и Збойчакъ, Збойливый, Збойливость, Збойливо* — сочетание: *Съро да збойливо, Збойничаю, Збойничанье*) и т.д.

Подобно организованы словообразовательные группы, помещенные при глаголах: *Подбиваю, Пребиваю* (один глагол), *Прибиваю, Пробиваю, Разбиваю* (в этой группе после *Разбойникъ* ‘грабитель...’ в качестве самостоятельного слова, имеющего специальное значение и потому выделенного разрядкой, представлен омоним: *Разбойникъ. Larus parasiticus. ‘Птица, къ роду чаекъ принадлежащая...’*), *Сбиваю* (“зри *Збиваю*”), *Убиваю* (большая словообразовательная группа — I, 209—212).

Сходным образом оформляется словообразовательное гнездо “первообразных” существительных. Само “первообразное” слово набирается заглавными буквами полужирным шрифтом, например, **БОЛВАНЪ** (4 значения), рядом в заголовочной строке располагается (в случае совпадения семантики того и другого слова) оформленная курсивом уменьшительная форма (*Болванчикъ*), затем помещаются дериваты, в данном случае, *Болвашекъ* (слово, имеющее специальное значение ‘у портныхъ называется колодка, на которой разколачивають и утюжатъ швы’). Следующее слово в этом гнезде набрано разрядкой *Оболваняю* (2 значения), что свидетельствует о его способности иметь собственные дериваты (словообразовательную группу), на сей раз это отглагольное существительное *Оболваняваніе* (I, 269—270).

Так же строится словарная статья “первообразного” прилагательного со своим словообразовательным гнездом (**БОЛЬШОЙ**: *Большакъ, Большая, Большинство, Большинствою, Наибольшій, Наибольшій* — I, 270—271).

Осталось добавить, что грамматические и другие пометы, приводимые до толкования, само толкование и сокращенное название источника набираются прямым шрифтом, а иллюстративные материалы — курсивом.

Исследователи в качестве особого достижения САР отмечают ведение нумерации значений слов (отсутствовавшей в первоначальном варианте).

Таким образом, ясно стремление составителей Словаря организовать материал, расположив его в определенной логической последовательности, поддержанной шрифтовой разметкой, что создает порядок в сложной структуре словопроизводного словаря. Надо признать, что в

результате был создан оригинальный тип построения словарной статьи, послуживший образцом для следующих словарей русского языка.

Способы различения двух языков

Поскольку объектом описания в САР являлся “славенороссійскій” язык, то авторы Словаря оказались перед необходимостью показывать разницу между словами или значениями двух языков. Этой цели служили несколько помет. Принадлежность к “славенскому” языку обозначалась пометой “Сл.”. Например:

Бійца, *цы*, с. Сл. общ. род. Драчливый⁸ ...

Млатобіецъ, *бійца*, с. м. Сл. Ковачъ, кузнецъ.... (I, 176).

Ситуация осложняется наличием особой функционально-стилистической нагрузки слов “славенского” языка. Пометой “Сл.” (а также “Слав.”, “въ славенскомъ языкѣ” и “по Славенски”) обозначались: а) слова церковно-славянского языка (иногда уже неупотребительные), б) книжная лексика, в) слова, в соответствии с теорией трех стилей М.В. Ломоносова имевшие особую стилистическую нагрузку в памятниках “высокого слога”. Пометы, типа: “въ высокомъ слога”, “въ высокомъ и славенскомъ слога”, “въ церковныхъ книгахъ”, — есть попытка разграничить разную функционально-стилевую нагрузку слов “славенского языка”. По подсчетам специалистов, в САР около 12% лексики⁹ имеют помету “Сл.”¹⁰.

Ремарки: “въ общемъ знаменованіи”, “въ обыкновенномъ разговорѣ”, “въ общемъ же языка употребленіи” — указывают на принадлежность лексемы русскому разговорному языку и отчасти на отнесенность к “среднему слогу”:

БИСЕРЪ, ра. с. м. 1) Въ Славенскомъ языкѣ означает перло, жемчугъ... 2) Въ общемъ же знаменованіи означает стеклянные маленькіе разноцвѣтные шарики, которые низать можно, употребляемые къ украшенію простымъ народомъ... (I, 171—172).

Разграничение принадлежности к одному из двух языков или стилей (что не всегда четко осознавалось) проводилось также на фонетическом

⁸ По современным лексикографическим параметрам толкование некорректно, так как часть речи определения должна совпадать с частью речи заголовочного слова.

⁹ История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. — СПб., 1998. С. 107.

¹⁰ Оформление САР в первых томах не отличается последовательностью. Сокращения варьируются, так же как и знаки препинания внутри словарных статей.

и морфологическом уровнях. Например:

БИЮ, еши, бити. по Славенски; въ обыкновенномъ же разговорѣ сокращен. употребляемый, *бью, бьешь, билъ, бивать, битъ*. гл. д. ... (I, 172).

В ряде случаев особо отмечается совпадение значений в двух языках:

Ближній, ня, нее. прил. 1) Близкій, недалекій, сосѣдственный, близко находящійся... 2) Въ Славенскомъ и Рускомъ языкѣ означаетъ иногда друга, приятеля, сотоварища, благодѣтеля, сродника, свойственника ... (I, 226).

В первых томах САР очень внимателен к речи “простого народа”, т. е. к русскому просторечию. Пометы для обозначения явлений разговорной речи варьируются: “простор.”, “въ простор.”, “въ просторѣч.”, “въ просторѣчій”, “просто же”, “въ простонародномъ нарѣчій”¹¹. В Словаре заметно стремление фиксировать лексические сочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки, употребляемые в просторечии¹²:

Бьюсь... 1) Бью самъ себя, ударяюся обо что... [и так далее до шестого значения] 6) Въ просторѣч. иногда значить: всѣми силами стараюся, съ великимъ трудомъ снискиваю нужное содержаніе. Отсюда Поговорка. *Бюся какъ рыба объ ледъ*... (I, 174—175).

Стилистические пометы и др.

В Словаре богат набор разного рода помет.

Особые пометы касаются неупотребительности (“неупотреб.” или “вышедшее изъ употребленія”), редкой употребляемости (“мало употребляемый”) или архаичности (“старин.”) слова, например:

Державецъ, вца. с. м. *Державица*, цы. с. ж. вышедшее изъ употребленія. *Государь*, *Царь*... (II, 610).

Складывается впечатление, что часть устаревших или неупотребительных слов приводится в Словаре, чтобы восполнить недостающие члены словообразовательного гнезда или словообразовательной группы:

Об о р а ю ... гл. д. Сл. неупотр... Оборимый... прил. Сл. неупотре-

¹¹ Этому вопросу посвящена специальная статья: *Сорокин Ю.С.* Разговорная и народная речь в “Словаре Академии Российской” (1789—1794 гг.) // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. Т. I. — М.-Л., 1949. С. 95—160.

¹² Внимание к пословицам и поговоркам простого народа особенно очевидно в первом томе, затем интерес к ним идет на убыль.

бительное (I, 293)... Поборимый... прил. Сл. Нынѣ неупотреб. ... (I, 294)... С о б о р с т в у ю ... Сл. неупотребительн. (I, 297).

В свою очередь, новое слово получает помету “нововвод.”, “нововводимое”:

У с о в е р ш а ю ... Нововвод. Привожу къ желаемому совершенству... (I, 636).

Стилистические пометы — явление, представляющее особый интерес, поскольку они отражают восприятие слова и отношение составителей к нему. Стилистические пометы могут относиться к любой части речи:

Бочкомъ, нар. ум. привѣт. Бокомъ (I, 268).

Вертопрахъ, ха. с. м. ... прост. уничиж. Непостоянникъ, вѣтреникъ, человекъ въ поступкахъ и рѣчахъ своихъ весьма неосновательный, вѣтреникъ, легкомысленный (I, 638).

ГЛАСЪ, са... с. м. ... 8) Въ возвышенномъ слогѣ. Внутреннее къ чему убѣжденіе... (II, 71).

Достаточно редко встречается помета, указывающая на шутивную окраску употребления слова:

Братовщина... Простон. ... 2) Въ шуточномъ смыслѣ употребляем. Имѣніе оставшееся послѣ братьевъ. Онъ еще братовщиной дышетъ (I, 325).

Разнообразны способы комментирования сферы употребления слова:

Отговариваю... 3) Въ суевѣрномъ смыслѣ: Отвораживаю, дѣлаю недѣйствительною ворожбу... (II, 150).

ГОЛЫЙ... 4) Въ пространнѣйшемъ смыслѣ: обнаженный, непокрытый... (II, 193).

О переносном (метафорическом, образном) употреблении сигнализирует знак *, помещаемый над строкой, который зачастую ставится без всяких пояснений, но иногда рядом обнаруживаются дополнительные ремарки:

Деревянная голова. *Голова или человекъ тупой, непонятной, беспамятной (II, 749).

Заглаждаю... Сл. ... 2) Въ смыслѣ * и нравственномъ: удовлетворяю за что; очищаю... (II, 59).

Вариантность написания и произношения

В немногочисленных словарных статьях (особенно если это касается

иноязычных слов) находит отражение вариантность написания и произношения:

ГРАФИНЪ, (а слѣдуюя производенію належало бы Карафинъ¹³)...

Интересный случай представлен в следующей словарной статье, где составители указали на разницу произношения и написания, отражающую региональные особенности звучания слов на разных территориях России¹⁴ и, соответственно, в разных памятниках письменности (в данном случае, в летописях):

ГРОБЛЯ, и ГРЕБЛЯ, бли. с. ж. старин. Ровь... [после иллюстративных примеров следует комментарий:] Въ Несторовомъ и Никонскомъ лѣтописцахъ писано Гробля. Напротив того въ Новгородскомъ вездѣ Гребля (II, 350).

Строение словарных статей различных частей речи¹⁵

Главный принцип построения словарной статьи лаконично сформулирован в Предисловии: “Для избежания ненужных повторений имена женского рода подведены под мужские, уменьшительные под положительные, глаголы учащательные под простые, исключая те токмо [только] случаи, в коих они от обыкновенного [обычного] смысла уклоняются [т. е. имеют отличную семантику]” (стр. XI).

Имя существительное

При оформлении словарной статьи существительного приводится окончание родительного падежа и сокращенное обозначение части речи — с. (с точкой или двоеточием) и род существительного — м., ж. или с.

Существительные общего рода (т. е. употребляемые как по отношению к мужчине, так и женщине имеют помету “общ.”):

¹³ Заимствование немецкого слова *Karaffine* ‘(маленький) хрустальный графин’, ‘флакон(чик)’ или французского *carafine* от итальянского *caraffina* арабского происхождения (*Фасмер...* Т. I. С. 453); составители указывают в качестве языка-источника — французский. САР последовательно не приводит оригинального написания иноязычного слова.

¹⁴ Можно сказать, что речь идет о древнерусских диалектных различиях, поскольку те же факты описаны в “Материалах” И.И. Срезневского — “Материалы для словаря древнерусского языка”. — М., 1989 (переиздание). Стлб. 586, 593.

¹⁵ Разбирается построение словарных статей только главных частей речи.

Забѣяка... с. общ. Озорникъ, обидчикъ, драчунъ, наглый, дерзкій человекъ (I, 187).

Собирательные существительные получают соответствующую помету (ее сокращение может варьироваться):

Ветошь... Ветошь... собир. ср. (I, 668).

С пометой “мн.” или “множ.” описаны существительные, употребляемые преимущественно или только во множественном числе (pluralia tantum), при этом может указываться род существительного:

АКРИДЫ... с. ж. мн. ... Большаго роду саранча, водящаяся въ странахъ Асіи и Африки... (I, 16—17).

Все словообразовательные формы, не меняющие семантику, объединены под заголовочным словом в одной словарной статье: это существительные увеличительные, уменьшительные (“умалительные”), формы женского рода с той же семантикой и другие подобные образования. Толкование дается в форме мужского рода.

ВОРЬ, ра. Воришко, шка. ум. Ворище, ща. увел. с. м. Воровка, вки. ж. р. Сарматское. 1) Тать, похититель, хищникъ... [далее большое словообразовательное гнездо] (I, 861).

Любые семантические сдвиги, в том числе, наличие нового смыслового оттенка приводит к тому, что уменьшительные формы (“ум.”, “умал.”, “умалительное”) помещаются не при заголовочном слове, а получают собственную словарную позицию внутри словообразовательного гнезда:

ВОРОНЪ, на. по Сл. Вранъ, на. с. м. *Corvus Corax*. Птица величиною съ курицу, покрытая вся черными перьями... (I, 854) —

с новой строки, т. е. так, как требует отдельная словарная статья:

Вороненокъ, нка. с. м. ум. Молодой воронъ: цыпленокъ ворона или вороны (I, 855).

Самостоятельную словарную позицию могут иметь также существительные и прилагательные “привѣтственные”, т. е. ласкательные.

Имя прилагательное

Прилагательные (частеречная помета “прил.” или “пр.”) приводятся в форме мужского рода, с указанием окончаний женского и среднего рода. Если известно употребление вариантов форм мужского рода на -ый, -ій или -ой, это специально оговаривается. Прилагательные качественные имеют самостоятельную словарную позицию и, соответственно, оформляются заглавными буквами полужирным шрифтом:

АЛЫЙ, или лой, ая, ое. прил...

Все словообразовательное гнездо располагается после основного слова, каждое заголовочное слово выделяется курсивом: Аленекъ, Аленькой, Алешенекъ, Ало (наречие — “нар.”), Аловатый, Алъю, Алъюся (I, 26). В свою словарную статью отнесены прилагательные “привѣтственные”, т. е. ласкательные:

Аленькой, или кій, кая, кое. прил. То же, что алый, но употребляется въ смыслѣ умалит. привѣтственномъ... (I, 26).

Если прилагательное имеет краткую (“усеченную”) форму, то она фиксируется в заголовочной строке:

БЫСТРЫЙ... Быстръ... прил. (I, 410).

Могут приводиться формы сравнительной или превосходной степени прилагательных:

Высокій... Вышій... степень уравни. (I, 948).

ВЯЦШІЙ... въ соравн. степени, Сл. а въ превосход. Наивящій... прил. Сл. (I, 1139).

Высочайшій... и Всевысочайшій...превосход. степень отъ прил. Высокій (I, 952).

Относительные прилагательные помещаются (в соответствии с типом словаря) под “первообразным” существительным:

Бочка... Боченокъ... Боченочный, ая, ое. прил. Къ боченку принадлежащій, или въ боченкѣ содержащійся. Боченочный огурцы (I, 304).

Причастие

Причастия не описывались в словарных статьях, посвященных глаголам. Лексикографический статус приобретали только страдательные причастия прошедшего, реже — настоящего времени, которые трактовались как прилагательные, получая соответствующую грамматическую помету, и, имея самостоятельную словарную позицию, помещались внутри словообразовательной группы соответствующих глаголов:

Связанный, прил. (I, 1127) (внутри словообразовательной группы глагола С в я з у ю — I, 1125).

В третьем томе появляется не только частеречная помета “прич.”, но и сама грамматическая характеристика причастия может приобретать иной вид:

Мимосшедшій ... Прич. во образѣ прил. употреб. Прошедшій, бывшій, протекшій (III, 210).

Со временем формируется также статус деепричастия (“дѣприч.”): Невзирая, дѣприч. Сл. Несмотря, неуважая (III, 137).

Субстантивация прилагательных и причастий

Субстантивация причастий происходит по тем же правилам, что и тот же процесс, протекающий с прилагательными. Этот непростой вопрос, по-видимому, не получил окончательного решения, поскольку мы обнаруживаем самые разные способы оформления и комментирования субстантивированных форм.

Наиболее распространенный способ указания на субстантивацию — употребление в толковании слова указательного местоимения мужского рода “тотъ” и определительного придаточного предложения, начинающегося с “который” или “кто” (или, если это речь идет о форме среднего рода: “то, что...”), при этом грамматическая помета как при прилагательном, так и при причастии остается “прил.”:

Заведенный... прил. 1) Тотъ, котораго куда завели [есть пример] (I, 534)... Сводимый... прил. То, что сводится [примера нет] (I, 566).

Для указания на субстантивацию может быть введено дополнительное пояснение в толковании “употребляется как существительное”:

Всевышній... прил. 1) Говоря о Богѣ, употребляется как существительное, и значить: Всѣми обладающій, господствующій... (I, 954).

Приведем редкий пример, в котором не только присутствует обозначение рода субстантивированного прилагательного, но и объяснен процесс субстантивации:

Набережная, нья. прил. ж. Употребляемое иногда безъ своего существительнаго, которое токмо подразумѣвается, т. е. улица или дорога (I, 128).

Наиболее лаконично субстантивация оформляется следующим образом:

Краткая... в образѣ с. ж. Знакъ правописанія поставляемый надъ буквою И ... (III, 923).

Наречие

В формах наречий последовательно демонстрируется разница форм двух языков: формы на -о — “российские”, на -ѣ — славенские:

Совершенно, или по Слав. Совершенѣ, нарѣч. (I, 635).

Наречия в степенях сравнения оформлялись, подобно прилагательным, в соответствующих формах:

Высочайше, и Всевысочайше... нар. въ превосходит. степени... (I, 952).

Выше, нар. отъ уравни. степени прил. Высокій... (I, 953).

По-видимому, еще не до конца были разработаны способы оформления сложных случаев употребления наречия, например, когда наречие употреблялось с каким-либо падежом, т. е. выступало в роли предлога. Пример такого рода:

ВНѢ, нар. Сл. сочиняемое съ падежемъ родительнымъ. Снаружи, за, изъ, вонъ... И каменіемъ побивше Павла, извлекоша внѢ града... (I, 790).

Сочетания (обычно из предлога и существительного), выполняющие в предложении функции наречия, получают характеристику, типа: “употребляется во образѢ нарѢчія”. Например:

На бѣгу. Предложный сей падежъ употребляется во образѢ нарѢчія, и значить бѣгучи... (I, 415—416).

В сложных случаях давалась двойная грамматическая трактовка:
 ДОНДЕЖЕ и ДОНЕЛѢЖЕ, нар. или союзъ... (II, 730).

Глагол

При разработке глагольной системы составители САР руководствовались принятым в XVIII веке учением о глагольных временах, базирующемся на античных и западноевропейских грамматиках, которое не отражало реальных отношений в системе русского глагола. Опираясь на грамматическую теорию М.В. Ломоносова¹⁶, составители Словаря включали в одну словарную статью разные словообразовательные разновидности основы, стремясь воссоздать полную парадигму каждого глагола. О своем намерении показать разные глагольные основы, соотносимые между собой, но различающиеся способом действия, лаконично сказано в Предисловии: “Глаголы, как в языке славенском, так и в российском, отменно пред всеми языками европейскими [т. е. в отличие от всех европейских языков] имеют различное неокончательное наклонение [т. е. неопределенную форму глагола]: иные имеют четыре, напр<имер>: скакать неопредел., скокнуть един., скочить соверш., скакивать сомнительн.; некоторые же токмо три: давать, дать, давывать; а некоторые токмо два: пить, пивать, и проч., то Академия для большего вразумления старалася при всех глаголах ставить все виды неокончательного наклонения, тем наипаче, что от онога разные в глаголах времена производятся, и что они нередко различное в себе знаменованіе [т. е. семантические различия] заключают” (стр. XII).

¹⁶ Ломоносов М.В. Российская грамматика. — СПб., 1755.

Таким образом, в глагольную парадигму включались глаголы совершенного и несовершенного вида, однократные и многократные, и др.¹⁷. В качестве первой (исходной) и заголовочной формы было избрано, в соответствии с античной и западноевропейской традицией, 1-ое лицо (1 л.) единственного числа (ед.ч.) настоящего времени (наст.вр.) несовершенного вида (несов.в.). Второй, опорной, формой рассматривалось 2-ое л. ед. ч. наст. вр. несовершенного вида (несов.в.). Затем в парадигму включались формы 1 л. прошедшего времени (прош.вр.) сов. в. (а для соответствующих “славенских” глаголов — 1 л. ед.ч. аориста) и 1 л. простого будущего (буд.) сов.в., как правило, образованные от “сложных” глаголов. Таким образом, в соответствии с современными представлениями, в парадигму включались разные глаголы; кроме того — последовательно указывалось ударение каждой формы:

БѢГУ, жишь, убѣжалъ, убѣгу, жать, гивать, убѣжать, жати [часто отсекается начало глагола, так что полная форма должна восстанавливаться читателем по конечной части, т. е. -гивать значит: бѣгивать] (I, 412).

По замечанию М.В. Ломоносова, в российском языке глаголы почти все неполные. Для указания на отсутствие полной парадигмы видовременных форм использовались пометы “неполн.” (“неполный” — эта помета, как правило, характеризует глаголы несов.в., но она применялась непоследовательно, т.е. могла отсутствовать) или “нед.”, “недост.”, “недостат.” (недостаточный) при описании глаголов сов.вр. (достаточно последовательно). Например:

АЛЧУ, чеши, взалчу, алчущїи. гл. ср. Сл. недост. [далее приводится пояснение, почему глагол назван недостаточным]: ибо кромѣ настоящего и будущаго совершеннаго не имѣеть [в иллюстрациях фигурируют только эти три формы] (I, 24—25).

Дальнейшая работа по лексикографической интерпретации глагольной системы активизировала процесс осознания очевидной разницы между глаголами разных видов. Это привело к тому, что в третьем томе приставочные глаголы сов.в. получали иногда самостоятельные словарные позиции, где в отличие от глаголов несов.в. они фигурируют в определенной форме:

¹⁷ Этой непростой теме посвящено отдельное исследование: *Малышева А.М.* Отражение способов глагольного действия и категории вида в Словаре Академии Российской // *Словари и словарное дело в России XVIII в.* — Л., 1980. С. 118—142 (далее: *Словари и словарное дело...*).

Кричу ... Взкрикиваю ... но Возкрикнуть, или Возкричать ... Закричать ... Накричать ... но: Окрикиваю ... и т. п. (III, 952—953).

Специально давалась характеристика залога: “д.” или “дей.” — действительный, “ср.” — средний, “возвр.” — возвратный, “взаим.” — взаимный, “общий”, “страдательный”.

Встречаются и другие характеристики глагольного действия, например: “учащ.” (Алкаю — I, 25).

Ко времени создания Словаря осознана связь семантики и синтаксиса. В глагольной словарной статье это выражено указанием на глагольное управление (по необходимости, в каждом значении) и введением богатого материала лексических сочетаний.

Схема словарной статьи. Отсылочный аппарат

Одним из достижений составителей САР исследователи считают создание типовых, обобщенно-грамматических определений производных слов. Это относится и к описанию приставочных глаголов, в определении которых содержится характеристика протекания действия, и к дефинициям отглагольных имен действия, учитывающих видо-временные отношения¹⁸.

Кроме того была разработана практика составления параллельных схем родственных и/или близких по семантике слов. Так, например, в словарной статье ЖИЗНЬ каждое значение представляет собой пространную дефиницию (II, 1121—1123), в то время как словарная статья Животь в первой рубрике вместо дефиниции содержит отсылку:

Животь, та. с. м. 1) Въ Сл. языкѣ значить тоже, что Жизнь въ первомъ, второмъ и третьемъ значеняхъ. ... (II, 1130—1131).

При этом иллюстрации, соответствующие указанным значениям, располагаются в статье Животь в рубриках под буквами а), б), в).

Отсылочный аппарат в САР оформлен в виде ремарок “зр.” (зри), “Зри” и “см.” (смотри), “Смотри”.

В соответствии с основными тенденциями данного словаря отсылочный аппарат решает ряд задач.

Поскольку САР описывает два языка, то две родственные формы

¹⁸ Биржакова Е.Э. Словарь Академии Российской (1789—1794 гг.) // История русской лексикографии. — СПб., 1998. С. 118—119; Кутина Л.Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789—1794 гг.) // Словари и словарное дело... С. 84 сл.

связываются между собой отсылками. В нижеследующем примере толкование помещено при восточнославянском варианте:

БЛАТО, та. с. ср. Сл. Зр. Болото (I, 221) — ср.: БОЛОТО, та... с. ср. ... Топь, мѣсто, въ которомъ дно иловатое, тинистое и покрытое водою неимѣющею теченія... [обратной отсылки нет] (I, 272).

Слово особой суффиксальной структуры, не имеющее собственного толкования и иллюстраций, может связываться с другим словообразовательным вариантом (внутри одного словообразовательного гнезда) через отсылку, что означает их идентичную семантику. Например:

Споборствователь, ля. с. м. Споборствовательница, цы. с. ж. Сл. См. Споборникъ (I, 299).

В соответствии с общей установкой избегать иноязычных слов составители стремятся указать эквивалент на родном языке, приводя его в качестве отсылки:

АСТРОНОМІЯ, мѣи, с. ж. Греч. Наука о расположеніи и движеніи

свѣтилъ небесныхъ. Зр. Звѣздословіе (I, 58)

— в этой паре два слова связаны между собой, но не при помощи отсылки, а через повторение иноязычного слова в определении:

Звѣздословіе... Наука о расположеніи и движеніи свѣтилъ небесныхъ; Астрономія (III, 33).

При наличии двух наименований, например, растений, отсылка дается от одного названия к другому, по-видимому, более распространенному, независимо от его происхождения, например:

Блошки, шекъ. множ. Трава. Смотри Портулакъ¹⁹ (I, 229).

Более старое слово (помета “старин.”) может быть связано с более новым и употребительным. Например:

Блиставица, цы. с. ж. старин. см. Молнія (I, 223).

В некоторых случаях к членам лексического сочетания предлагается отсылка. Например:

Бью въ набать, въ трещотку. Бью тревогу. См. Набать, Трещотка, Тревога (I, 173).

В САР замечена тенденция избегать фонетических вариантов, из которых выбирается самый распространенный, однако иногда составители все же вынуждены указать на существование важного по той или иной причине варианта. Например:

¹⁹ От лат. portulaca.

АНБАРЪ, ра. с. м. Зри Амбаръ (I, 33).

Сложное слово, вторая часть которого входит в разрабатываемое словообразовательное гнездо, самостоятельное толкование получает в словарной позиции первой части этого слова, на что указывает соответствующая отсылка (однако возможно и противоположное решение):

[внутри гнезда ВАРЪ] Кашеваръ. См. Каша. Медоваръ. См. Медъ. Мыловаръ. Мыловарня [эти два слова объединены фигурной скобкой]. См. Мыло... (I, 500).

Омонимия

Способы оформления омонимов (особенно в первых томах) весьма разнообразны. Один из самых распространенных — использование разной шрифтовой разметки:

Отвалина... с. ж. То, что отвалилося, отстало, осыпалося ...

Отвалина. с. ж. У сохи лопатка желѣзная, накладываемая на сошникъ ... (I, 474).

Слова, различающиеся как грамматическим родом, так и значением (что дает основания современным лексикографам признавать их омонимами), могли быть представлены даже в одной словарной статье под разными значениями:

Волокита, с. ж. 1) Продолженіе, протяжка какого тяжёбнаго дѣла... 2) Въ отношеніи къ любовнымъ дѣламъ, имя сіе есть рода мужескаго и значить: старающійся обольстить, склонять къ себѣ въ любовь, гдѣ только есть случай (I, 769).

Однако есть случаи, когда каждый из омонимов не просто имеет собственную словарную позицию, но, будучи главным словом словообразовательного гнезда, возглавляет его, о чем свидетельствует и соответствующая шрифтовая разметка:

БЫКЪ, ка ... Бычокъ... с. м. 1) Воль, животное рогатое... [далее следуют члены словообразовательного гнезда:] Быкомъ глядѣть... Быкомъ пить... Бычацей и бычій... Бычусь... (I, 408—409).

БЫКЪ, ка ... с. м. Cottus gobius. Рыбка въ пещаныхъ рѣчкахъ водящаяся... (I, 408—410).

Лексика

Иноязычная лексика

Для указания на происхождение слова приводится сокращенное название языка, к которому данное слово возводится (без графического

воспроизведения его на языке оригинала).

БЕШМЕТЪ, тя. с. м. Татарск. Стеганное полукафтаные, на козацкой образецъ скроенное...

БИБЛІЯ, ліи. с. ж. Греч. Собраніе книгъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта... (I, 169).

При этом, если есть возможность подобрать эквивалент на родном языке, то он вводится через отсылку “См.” (смотри) или “Зр.” (зри). Отсылки, как правило, односторонние. Иногда в таких случаях отсутствует толкование, которое приводится на своем алфавитном месте при отсылочном слове. Например:

БЛОКЪ, ка... Голланд. Зр. Векша (I, 299).

ВЕКША, ши... Блокъ; деревянной или металлической кружокъ... (I, 584).

Существуют словарные статьи, в которых показано, что иноязычное слово уже обросло производными:

БЛОНДЫ, дѣ. с. ж. мн. Французск. Родъ кружева плетомого изъ шелку сырцу.

Блондочница, цы. с. ж. Женщина, которая плетет блонды (I, 229).

Как мы видим, в связи с иноязычной лексикой несколько вопросов остаются неосвещенными в САР: фонетическая и связанная с нею графическая вариантность иноязычных слов, иногда также морфологическая вариантность, а также сложная история вхождения иноязычных слов, ставших в XVIII веке интернационалистами.

Двойные названия. Двухязычные дублеты

Концептуально важным для Словаря, описывающего, фактически, два языка, было наиболее полное представление лексических соответствий в “славенском” и “российском” языках²⁰. Например:

ГРЯЗЬ, зи. с. ж. Земля съ влажностію смѣсившаяся: по Славенски Бреніе... (II, 410).

Порой обнаруживаются просторечные соответствия литературным “словенским” словам; такие случаи особо оговариваются. Интересно в этом смысле слово **ГРОБЪ**, первое значение которого (‘могила, мѣсто для прогребенія мертваго тѣла опредѣленное’) зафиксировано в старо-

²⁰ В данном разделе мы не говорим о фонетических различиях двух языков, отражаемых в САР по типу словарной статьи **ГЛАСЬ**: **ГЛАСЬ**, са. [здесь обычно стоит помета “Сл.”] Въ нынѣшнемъ же языка употребленіи *Голось*... (II, 69—70).

славянских памятниках (в книгах Священного писания²¹), а второе (‘вмѣстилище, ящикъ изъ дерева, камня, металла ... для вложенія челоуѣческаго трупa’) имеет отраженное в САР просторечное лексическое соответствие Домовище²²: “иначе въ просторѣчїи называется, домовище” (II, 350).

Формируя перспективные нормы русского литературного языка, составители Словаря настойчиво предлагали читателю эквивалентные замены иностранных слов словами на русском языке, производящие порой впечатление архаизма = “славенизма”, — например, в случае, когда дублет представляет собой словообразовательно-семантическую кальку:

АРИСТОКРАТІЯ, тїи. с. ж. Греч. Родъ Правленія, гдѣ верховная и исполнительная власть поручена извѣстному числу вельможъ. См. Вельможедержавіе (I, 45).

Стремлением избежать иностранной лексики, с одной стороны, и желанием, с другой, соотносить с современной лексикой как “славенские” архаизмы, так и, по-видимому, недостаточно прижившиеся в языке “российские” соответствия иноязычным специальным понятиям, вызвано появление двуязычных дублетов, состоящих из заголовочного слова, заменяющего иностранное, но сохраняющего его семантику, и собственно иностранного слова, присутствующего в конце определения с указанием на соответствующий язык.

Бодецъ, дца. с. м. Сл. Орудіе, которымъ подстрекають, иначе нѣмецкимъ словомъ шпоры называемое (I, 264).

Кроме того, последовательно подбираются двойные названия растений и трав:

ГРЕЧА, чи, Гречиха и Гречуха, хи. ж. Polygonum fagorum. Въ низовыхъ провинціяхъ называется Дикуща. Произрастеніе однопольтнее... (II, 342).

Специальное и естественно-научная лексика

По подсчетам специалистов, специальная лексика охватывает в Словаре около 7,5% всего лексического объема (примерно 3030 слов).

²¹Ср.: Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М., 1994. С. 178.

²² В “Словаре русского языка XI—XVII вв.” *домовище* в значении ‘гроб’ датируется 1678 г. (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. — М., 1977. С. 310).

Большая часть этих слов — научная терминология и номенклатура — составляет около 60% (1876 слов), около 6% — лексика ремесел (204 слова), 9% из общего числа занимает лексика ремесел (264 слова), остальные 25% — это лексика промышленно-хозяйственная (торговая, финансовая, военная, морская и др.), бытовая (кулинарная, спортивная, картежная и др.) и специальная культурная²³.

Специальную лексику в САР представляют как иноязычные, так и исконно русские слова; что касается последних, то они, будучи отражением ушедшей материально-технической культуры, вызывают особый интерес:

АСТРОЛЯБИЯ... Греч. Орудіе, прежде всего къ наблюденію свѣтилъ небесныхъ, наипаче высотъ, а нынѣ къ измѣренію угловъ на землѣ употребляемое... (I, 58).

Болвашекъ, шка. с. м. ум. У портныхъ называется колодка, на которой разколачиваютъ и утюжатъ швы (I, 269).

В соответствии с тогдашним уровнем развития естественных наук и в русле общеевропейской традиции при “славенороссийском” названии камней, руд, растений, животных, птиц и рыб приводится соответствующее название из научной номенклатуры на латинском языке. Например:

БИРЮЗА, зы. с. ж. Zoolithus turcosa. Названіе Персидское драгоцѣннаго камня непрозрачнаго, цвѣтомъ блѣдно голубаго или зеленаго, имѣющаго составъ слоистой... (I, 169).

Характер разработки и подачи естественно-научного материала позволяет усматривать в САР элементы энциклопедии — столь досконально описываются в словарной статье все научно-классификационные признаки описываемого предмета. Типичный пример такого рода энциклопедической разработки — словарная статья ГРЕЦКОЙ ОРѢХЪ (II, 342).

Однако ограниченное включение специальной лексики привело к тому, что часть слов, главным образом иноязычного происхождения, хорошо известных и достаточно распространенных в петровскую и послепетровскую эпоху не была включена в первый том Словаря.

Например: Абордаж<ъ> (лексика морского дела) — впервые зафиксировано в 1709 г., Авангард<ъ> (лексика военного и морского

²³ Замкова В.В. Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел) // Словари и словарное дело... С. 90.

дела) — первая фиксация относится к 1729 г., Абцесс<ъ> (медицинская лексика) — впервые зафиксировано в 1761 г., Азот<ъ> (химическая лексика) — первая фиксация в 1786 г. и др.²⁴

Локализмы

Еще одной особенностью САР является введение в словарь специальных слов, употребляемых на определенных территориях России²⁵. Эти слова были собраны в путешествиях, совершенных в XVIII веке, они — столь же редкие сокровища, как и добытые в ходе подобных экспедиций образцы минералов и руд. В определениях, сопровождающих каждое из таких слов, указывается, на какой территории оно было употребительно. Например:

БАГОРЪ... 2) У Козаковъ Уральскихъ и на Волжскихъ учугахъ, желѣзной крюкъ съ зазубриною, прикрѣпленной къ длинному шесту, употребляемой для вытаскиванія осетровъ и бѣлугъ (I, 75).

Историзмы

Составители САР учитывали значение историзмов, отражающих тот или иной этап истории России, и сохраняли их в Словаре. Пометы при таких словах строго не регламентированы, типа “реченіе старин.” и т. п. Например:

Выборная голова. Въ старину означался симъ названіемъ избранной начальникъ въ волости (I, 137).

Вольница... 1) Реченіе старин: означающее людей, добровольно записывающихся въ военную службу. Кликнуть вольницу... (I, 826).

Иллюстративный материал и его нефилологические функции

Нет нужды специально останавливаться на филологических функциях иллюстративных цитат, роль которых в толковом словаре очевид-

²⁴ В.В. Замкова приводит первую фиксацию этих и других слов по материалам книги: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки... или по материалам Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (Замкова...С. 91).

²⁵ Интерес к этому пласту лексики проявил еще М.И. Сухомлинов в своей “Истории Российской Академии” (Вып. VIII. — СПб., 1888); см. также специальное исследование по этому вопросу: Мальцева И.М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело... С. 102—117.

на. Хотелось бы отметить незаметный при беглом просмотре, но очевидный при внимательном чтении “разговор с читателем”. В этом смысле особенно интересны так называемые “анонимные речения”, т. е. иллюстрации, сочиненные составителями Словаря, поскольку в них говорит, выражает свои эмоции и выносит свой “приговор” реальный человек (интеллигент) конца XVIII века.

Создатели САР, безусловно, отдавали себе отчет в воздействии своего произведения на умы современников и, как в своих определениях (внутри лексикографической дефиниции), так и в иллюстративном материале, цитатах, проводили свое видение описываемого явления, в чем проявилась нравственно-воспитательная и даже религиозная установка Словаря. Несколько ярких примеров:

Вольнодумецъ... Названіе сіе придають себѣ враги Христіанскаго ученія отъ временъ Колина, не смотря на то, что вольность сія служить токмо къ необузданности и противуборствію законамъ здраваго смысла (I, 825).

Достоненавистный... Достойный ненависти, отвращенія, омерзѣнія. Безбожіе есть достоненавистное заблужденіе (I, 686).

Грожу... Несогласія въ государствѣ грозятъ оному раззореніемъ... (II, 353).

Составителей Словаря, по-видимому, волновало “настроение умов”, отсюда всплывающая несколько раз обеспокоенность влиянием “дурных сообщений”:

Отдаляю... Отвожу, отвлекаю, отвращаю кого отъ чего... Молодыхъ людей отдалять должно отъ худыхъ сообществъ, отъ вредныхъ примѣровъ [II, 462].

Отражение коллизий, существовавших между разными слоями общества, обнаруживается, например, в таком иллюстративном примере:

Движуся... 4) * Возмущаюся, крамольствую, возстаю противъ кого, волнуясь. Безпокойная чернь движется противъ верховной власти (II, 354).

Дополнительная культурно-историческая информация

Словарь Академии Российской, будучи уникальным памятником культуры конца XVIII века, несет в себе дополнительную культурно-историческую информацию, поскольку он фиксирует и протолковывает те слова, которые отражают неповторимые явления и реалии своего времени. Например:

Повальное... Пенья, которую платить былъ долженъ поднятой че-

ловѣкъ, валявшейся на улицѣ (I, 476).

Гребень... Орудіе дѣлаемое изъ рога и кости, имѣющее съ двухъ сторонъ зубья, изъ коихъ на одной бывають рѣдкія для расчесыванія склочившихся волосовъ, а на другой частыя для вычесыванія нечистоты изъ головы (II, 327).

Словарь Академии Российской, как было сказано, представляет собой сокровищницу разговорной и народной речи, он хранит в себе богатое собрание народных пословиц и поговорок. Этот яркий лексический и культурный пласт неоднократно описан²⁶.

Особо хотелось выделить чрезвычайно интересный пласт лексики и разного рода словосочетаний, в котором находит отражение понятия, быт, нравы и реалии жизни простого народа (он называется в Словаре “простой народъ”, “простолюдимы”, “простолюдимки”, “люди низкаго состоянія”, “чернь”, те, кто “въ подломъ платьѣ” и др.). В единении “высокого” и “низкого” — еще одно своеобразие и неповторимость Словаря Академии Российской:

Сѣро да збойливо. Родъ присловицы, относительныя къ черни, которою означается, что и въ сѣромъ зипунѣ, то есть въ подломъ платьѣ, бывають иногда хитрые и пронирыльные люди; и для того не должно по простотѣ платья судить о умѣ (I, 190).

Орфография

Проблемы орфографии, безусловно, сильно волновали создателей Словаря, о чем свидетельствует специально посвященный данному вопросу пассаж в предисловии: “Хотя Россійское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много во ономъ зависить отъ употребленія. Часто мѣшають а съ я; е съ я; з употребляють вмѣсто с. и с. вмѣсто з. и проч: то Академіа почла за нужное слѣдовать въ Словарѣ своемъ правописаію книгъ церковныхъ, пока сей же трудъ откроеть ей довольные способы къ утвержденію единожды навсегда правилъ праписанія” (стр. XIII).

Фактически, разнообразие написаний определяется “поиском языковой нормы и общим стремлением к регламентации языкового употребления”, — так писал о Словаре Академии Российской Г.О. Винокур в своей работе, посвященной как раз вопросам орфогра-

²⁶ См. цитированную выше работу М.И. Сухомлинова, а также исследование Ю.С. Сорокина.

фии в САР²⁷. Здесь подробно описаны и классифицированы типичные варианты написания в конце XVIII века.

Одичалый... Здѣлавшійся дикимъ [обратим внимание, что все три статьи находятся одна под другой, так что даже зрительно можно обнаружить разницу в написании глагола *здѣлаться*] (II, 669).

Г.О. Винокур склонен трактовать собранный им материал как орфографическую вариантность того времени. Все же мысль о возможности существования элементарных опечаток приходит ему в голову. Понятно, что для лингвиста и опечатки (по пословице: *littera est ministra linguae*) представляют собой интересное явление, поскольку они отражают тогдашнее произношение. О том, что и сами составители Словаря сознавали несовершенство своего печатного труда, свидетельствует “саморазоблачающее” речение, содержащееся в словарной статье Недогляды в аю: *Справщикъ недоглядѣлъ въ семь листѣ много погрѣшностей* (II, 104).

* * *

Если говорить о том главном, что определяет Словарь Академии Российской, то невозможно это сделать точнее, чем словами Г.О. Винокура: “В нем нет прямо и открыто провозглашаемой нормы. Но в нем есть возможность угадывать тот идеал языкового употребления, по направлению к которому движутся составители Словаря сквозь богато отражаемые им языковые противоречия своего времени”²⁸.

²⁷ Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1789—1794) // Вестник Московского университета, 1947. Май. № 5.

²⁸ Винокур... С. 29.